

К. Г. Антонян, Н. А. Соколова

Перформативные практики в конструировании образов национальной идентичности

Задача данной статьи состоит в анализе феномена национальной идентичности в контексте перформативного подхода. Перформанс – понятие, позволяющее рассмотреть различные способы воспроизведения и подтверждения национального единства от санкционированных государством и до повседневных практик. Национальные перформансы служат подтверждению цельности и силы «воображаемого сообщества», отфильтровывая и передавая устойчивые базовые смыслы, разделяемые всеми его представителями. Понятие перформативности также выдвигает на первый план идентичность как динамичную, находящуюся в постоянном процессе своего (вос)производства. Нация остается влиятельной категорией для определения единства на основе языка, территории, общего исторического прошлого. Искусство, наука, политика, экономика – все составляющие так или иначе оказываются окрашены специфическим национальным колоритом. В глобализирующемся мире национальные культуры, с одной стороны, стремятся к унификации, вписыванию в общечеловеческий контекст, с другой – появляются тенденции к переопределению своей национальной идентичности, прочерчивая и означиванию своих границ, в первую очередь символических. Национальная идентичность перформативна. Для ее подтверждения используются как устоявшиеся формы, имеющие историю, так и «изобретенные традиции».

Ключевые слова: перформанс, идентичность, перформативность, перформанс идентичности, национальная идентичность, перформативный поворот

Karina. G. Antonian, Nina A. Sokolova

Performative practices in the design of national identity images

The article examines the phenomenon of national identity as a performance. Performance of national identity is ways in which the nation is (re)produced, from state-sanctioned ceremonies to the quotidian acts. Performance is a useful metaphor since it allows to look at the ways in which identities are enacted and reproduced. Performance continually reconstitutes national identity by rehearsing and transmitting meanings. The notion of performance also foregrounds identity as dynamic, as always in the process of production. The nation continues to be an influential category for defining a community based on language, territory, and a common past. Art, science, politics, economics are painted with a specific national flavor. National cultures in the global world strive for a universal human context on the one hand. On the other hand, to the definition of national identity. National identity is performative. National identity is a process consisting of many events, both official and every day.

Keywords: performance, identity, performativity, performance of identity, national identity, performative turn

DOI 10.30725/2619-0303-2022-3-6-11

Национальная идентичность может быть рассмотрена как набор репрезентативных масок, сценариев, ролей, сцен, используемых и исполняемых индивидом или группой с целью установления, подтверждения и демонстрации своего единства. Составляющие для связности условного множества людей в нацию конкретны (например, разделяемые всеми представителями язык, история, канон художественных текстов и т. д.), но в целом достаточно эфемерны и, в сущности, иррациональны. То есть национальная идентичность, задаваемая властью в лице государства, требует постоянной верифика-

ции актуальности наличных объединяющих оснований, поскольку нация представляет собой по сути искусственно созданное объединение, сотканное из множества этнических идентичностей. Культурная идентичность (которая шире, чем национальная, но по многим параметрам совпадает с последней и является ее источником) существует «в форме „социальных репрезентаций“, позволяющих обществу самоопределиться. Эти репрезентации формируются из картин, символов, стереотипов, мифов, истории, которые в коллективном сознании создают образ „личности“ и единства» [1, с. 346].

Идеологические границы национальных культур формируются в течение XVIII в., а уже в течение XX в. происходит их постепенное размывание [2, с. 59–60], одной из важных причин чего считается глобализация современного типа, стартовавшая вместе с развитием капиталистической системы, массовой культуры, технологий, включая Интернет. В условиях разрушения модернистских нарративов на первый план выходят перформативные практики, позволяющие рассматривать эссенциалистские категории и ими обозначаемые явления как событийные, совершаемые во времени пространстве, постоянно обновляемые, т. е. «практическое измерение производства культурных смыслов и опыта» [3, с. 122]. Целью данного исследования является анализ перформативного характера национальной идентичности, что продолжает быть актуальным для сегодняшнего дня, когда национальные границы (не только идеологические или семиотические, но также и территориальные) перманентно подвергаются ревизии.

Перформанс национальной идентичности предполагает непосредственно сам спектакль, который реализуется на жизненной сцене. Его можно наблюдать в повседневной культуре, но наиболее показателен такой перформанс во время праздников, где демонстрация национального сопровождается всеми необходимыми ритуалами и атрибутами. Так, для России таким праздником, во время которого в чистом виде разыгрывается коллективный перформанс национальной идентичности, может считаться празднование Дня Победы 9 мая, для США – празднование Дня независимости (Independence Day) 4 июля, для Китая – День образования КНР (National Day in China) 1 октября и т. д. «Национальная культура является к тому же еще и конструкцией идеологической и тем самым временной, преходящей», – пишет М. Эспань [2, с. 59], утверждая ее внутренне противоречивую и конфликтную суть.

Концепция наций как «воображаемых сообществ» Б. Андерсона [4] и идеи межкультурного трансфера М. Эспаня [2] наиболее точно отражают подвижный характер национальных культур, их символический базис. Перформативный характер культуры исследуется в работе Г. Киена (представителя иллинойской перформативно-ориентированной школы) [5], который сосредотачивается на современных технологических перформансах, являющихся

частью динамичной современной повседневности. Г. Киен отмечает, что технологические перформансы также зависят от того, где («Территория государства больше не ограничена физическими границами, ее разрывают спонтанные перформансы передвижающихся граждан» [5, с. 9]) и в рамках какой культурной идентичности они разыгрываются. Перформативный поворот, маркирующий исследовательский интерес к видимым проявлениям культуры, затрагивается в работах И. Гофмана [6], открывшего исполнительский характер социального поведения; Р. Шехнера [7], предложившего парадигму Performance Studies, предполагающую широкое изучение перформативных практик как в искусстве, так и в социокультурной действительности («все, что изучается, рассматривается как практика, события и поведение, а не как „объекты“ или „вещи“» [7, р. 2]); Д. Бахман-Медик [3], отметившая перформативный поворот в науке в качестве одного из ведущих среди прочих. В контексте постколониальных исследований Хоми Бхабха осмысляет нацию как продукт коллективного воображения, где перформативная природа национальной идентичности воспроизводится посредством нарративов [8, с. 242–243].

Для определения нации можно выделить три основных подхода. Сторонники примордиального подхода рассматривают нацию как объективно существующее образование, следующую ступень развития этноса, обладающую устоявшимися характеристиками – общность языка, территории, типа хозяйства и экономики и т. д. Модернистский подход определяет нацию как феномен, оформившийся в Новое время благодаря унификации системы образования (образование позволяет выстроить единую национальную ментальность и является основным проводником государственной идеологии), индустриализации, самоопределению национальных государств в очерченных территориальных границах. Постмодернистский (постнеклассический) подход формирует представление о нации как «воображаемом сообществе», где внутренняя связь осуществляется с помощью художественных, научных, политических дискурсов [8, с. 239–240].

Единство языка, пожалуй, главный критерий национальной идентичности. Представитель последнего подхода, Б. Андерсен, отводит большую роль в становлении наций развитию книгопечатания. Будучи

капиталистической системой, ориентированной на расширение круга потребителей печатной продукции, книгопечатание способствовало складыванию национальных языков в противовес существующим диалектам и наречиям, свойственным тому или иному региону: «Люди, говорившие на колоссальном множестве французских, английских или испанских языков, которым могло оказываться трудно или даже невозможно понять друг друга в разговоре, обрели способность понимать друг друга через печать и газету. В этом процессе они постепенно стали сознавать присутствие сотен тысяч или даже миллионов людей в их особом языковом поле, но одновременно и то, что только эти сотни тысяч или миллионы к нему принадлежали» [4, с. 100–101]. Книгопечатание задает и нормативность национального языка, на котором в свою очередь начинают говорить и политика, и административный аппарат, и наука, и художественная сфера. Система образования, а также СМИ (газеты, позже радио и телевидение) выступают проводниками правил и принципов языка, регламентируют речь, легитимируют канонические национальные тексты (скажем, Пушкин, Толстой, Достоевский – авторы школьной программы, включающие разные поколения и социальные слои россиян в общее ментальное поле).

До того, как в сфере языка были проложены национальные границы, культурная элита – образованные люди своего времени, читавшие ученые книги на латинском языке [4, с. 63–64] – существовала вне этих границ и свободно перемещалась в общем интеллектуальном пространстве Европы, которое было в целом однородным. Привилегированные классы, у которых был доступ к образованию и культуре, ощущали единство образа жизни и мышления, понимания своего места и роли в структурировании социального порядка. Чем выше положение в обществе, тем строже предъявлялись требования к формализованной перформативности поведения, речи и манер, и тем более срежиссированной представлялась будущая судьба аристократа. Образец такого идеала придворного был дан еще в XVI в. в трактате Бальдассаре Кастильоне «Придворный», где советовалось избегать всяческой аффектации, проявлять внешнее спокойствие и невозмутимость [9]. Люди более низших сословий в этом плане обладали известной свободой публичного самовыражения, разыгрывая в основном повсед-

невные перформансы (любовные, коммуникационные перед соседями, ритуальные, связанные с праздниками, похоронами и т. д.). То есть, идея нации предполагает консолидацию по совершенно иным, нежели классовые, параметрам, сопровождаемую соответствующими перформансами.

В связи с этим актуализирующимся ощущением некоей слитности, общей истории и судьбы, уникальности в сравнении с другими нациями, становится возможным культурный трансфер (понятие М. Эспаня) – пересечение границ, которые уже осознаются и рефлексируются членами «воображаемого сообщества». Объединяющими нацию становятся стиль жизни социальных групп, эстетический выбор, предпочитаемая одежда и типичная еда (возможно, именно национальная еда, предпочтения в продуктах и способах приготовления, конкретные рецепты и блюда, различные гастрономические перформансы наиболее показательны и долгоиграющи при определении культурной идентичности [10]). Появление (например, эпос «Калевала», собранный Э. Леннротом из фольклорных текстов, именно появился, вдруг, в конкретный зафиксированный момент времени, стал важнейшей составляющей национального финского самосознания) и систематизация национальных вариантов литературы (так, показательным примером здесь может быть литература американского романтизма в лице Дж.-Ф. Купера, Н. Готорна, В. Ирвинга, Г. Мелвилла, являющаяся первой национальной литературой США, а также сама идея «великого американского романа», создать который стало чуть не самой важной задачей для американских писателей, стремящихся выразить дух молодой нации), философии (например, самобытная русская философия), музыки, изобразительного искусства и т. д. организуют культурное пространство, в котором отфильтровывается самосознание нации. В системе образования формируется идеал человека, знающего и использующего национальный язык и художественные произведения родной культуры, и производится типичный представитель своей культуры, носитель национальной картины мира и системы ценностей.

В XX в. мобильность людей повысилась в разы по сравнению с предшествующими эпохами. Возросла скорость передачи данных и обмена культурной информацией. Так, нейросети позволяют читать научные и деловые тексты с минимальным времен-

ным разрывом с момента их публикации, невзирая на язык оригинала; благодаря развитию медиа стало доступным «посещение» культурных мероприятий (лекций, выставок, конференций, участие в стримах) по всему миру в режиме онлайн; программы международного сотрудничества, научно-образовательные и профессиональные стажировки, а также туризм и путешествия позволяют расшатать границы нормативности, образец которой вырабатывается в сфере условного «мы» (в противовес «они», например, другая нация, другая страна, другой город) и т. п. Современный человек больше не замкнут в рамках своей культурной традиции – художественной, интеллектуальной, деловой. Появление современных технологий и гаджетов, ставших частью повседневных практик и неизбежно опосредующих их, расширение идентичности вглубь виртуальной реальности (что, впрочем, включает в себе также и опасность потери смысла коммуникации в условиях избыточности мультимедийного гипертекста [11, с. 122]), а также возможность бодимодификаций, позволяющих изменять не только внешность, но и свой пол – все это перенастраивает идентичность в перформативный режим. Одновременно при такой подвижности границ возникает необходимость постоянной демонстрации себе («мы») и окружающим («они») национальной принадлежности с целью подтвердить существование и силу «воображаемого сообщества». Так, в Сети разворачивается целая череда репрезентативных национальных перформансов, например, с использованием в сообщениях специальной символики (флага или других опознавательных символов), специфического юмора (для российской идентичности характерны шутки про домашнего медведя, водку, балалайку) и т. д.

Легитимация нации осуществляется посредством разнообразных символических процедур, имеющих как типический характер для всех, так и индивидуализирующий [12, р. 69]. К таким процедурам можно отнести утверждение традиций – исторически сложившихся (как правило, специализированных и обязательных) или «изобретенных» (неспециализированных и оперирующих расплывчатыми категориями «патриотизма», «долга», «верности» иррациональным, в сущности, ценностям). Изобретенные традиции в изложении Э. Хобсбаума появляются и сами по себе, как требование времени, но также и создаются специально с какой-либо целью, часто

спускаются «сверху» и устанавливаются как незыблемые, укорененные в истории [13]. Так, акция «Бессмертный полк» наряду с Георгиевской ленточкой, Парадом Победы на 9 Мая – изобретенные традиции и одновременно национальные перформансы, проходящие по территории нации (территория нации – шире, чем территория страны, поскольку россияне, проживающие за границей, также участвуют в этих перформансах, причем как в реальном, так и в виртуальном цифровом мире). Другой пример: движение Black Lives Matter в США, стартовавшее в 2010-х гг., утверждало новые национальные ценности, замешанные на признании вины за расовое неравенство, продолжавшее существовать в Новейшее время. Публичные покаяния со вставанием на колени перед представителями негроидной расы, целованием их ботинок и т. п. показательные выступления демонстрируют перенастройку американской идентичности. Осмысление BLM в категориях перформативности и театрализации происходило в политическом языке, активно присутствовало в дискурсе СМИ [14]. Расовое неравенство одновременно и проблема американского общества, нашедшая отражение в художественной культуре (литературе, кинематографе, популярной культуре), и та составляющая, которая придает американской культуре национальный колорит. Blackface, используемый в мюзикл-шоу, начиная с XVIII в. в Великобритании, и в течение XIX в. и до начала XX в. в США с использованием черного грима артистов, изображавших черных людей в комическом виде, – самобытный культурный продукт, определяющий своеобразие нации, имеющей свое прошлое, пусть и расцениваемое как негативное.

Индустриализация и модернизация, ставшие атрибутом западноевропейской цивилизации, послужили началом глобализационных тенденций современной культуры. Во второй половине XX в. глобализация, подкрепленная развитием средств массовых коммуникаций и появлением Интернета, вышла на совершенно новый уровень. Один из ее важнейших факторов – развитие экономики и превращение всего мира в огромную торговую площадку. Перевод денег из материального объекта в электронный сигнал, преодоление территориальных и отчасти временных границ (покупка товаров в сети Интернет больше не связана с часами работы физических магазинов и банков), ут-

верждение единых платежных систем послужили тому, что к началу XXI в. национальные культуры должны заново утверждать свою культурную ценность, только теперь исчисляемую в конкретно-денежном эквиваленте. Успешное исполнение национальной идентичности служит товаризации самобытных культурных ценностей, создаваемых «на местах», либо имитирующих национальный колорит. Так, утвердившийся в СССР уникальный Палехский лаковый промысел (начало палехской школы можно проследить, начиная с писания икон, но с революцией 1917 г. творческие традиции нашли выход в новом виде деятельности – лаковой миниатюре) не выдерживает конкуренции с более быстрыми в плане исполнения и дешевыми копиями. Помимо многих объективных проблем палехской миниатюры [15], можно отметить и субъективные, а потому спорные. Палех – продукт симбиоза традиционной русской и советской культуры, отражающий в художественных образах и способах изготовления перформативный характер национальной идентичности. И «русская культура», и «советская культура», и даже «российская культура» – в той или иной степени абстракции, которые оказывается возможным конкретизировать в данном самобытном изделии и монетизировать.

Поиск собственной национальной идентичности и стремление наметить ее границы в условиях глобального мира актуальны едва ли не для всех стран мира. Для становления американской нации важными составляющими, как отмечают исследователи, стали общие идеологические принципы (идея *self-made man*, «американская мечта», идеи демократии, прав и свобод личности): «Существование общей утопической идеи – „американской мечты“ и становление системы образования способствовали „американизации“ первоначально разрозненных переселенцев» [16, с. 335]. Поскольку США – та страна, где самые различные нации в тесном и неизбежном взаимодействии сплавлялись в новую единую американскую нацию, своеобразный идеологический конструкт, наличие объединяющих символов стало важными атрибутами, используемыми буквально повсюду. Американский флаг можно увидеть в дизайне повседневной среды США – уличных скамейках, одежде, канцелярии, постельном и даже нижнем белье (интересно, что для российской ментальности подобное использование своего важнейшего национального символа – флага – считалось бы уничижи-

тельным и недопустимым). Американская идентичность утверждает себя в глобальном мире посредством визуальных образов и ярких перформансов, сопровождающих ее эволюционирование.

Таким образом, из приведенных примеров видно, что и российская, и американская национальная идентичность демонстрируют свою принципиальную незавершенность, процессуальность. Перформативный поворот позволяет исследовать идентичность как процесс постоянного становления и обновления, сопровождаемый разыгрыванием индивидуальных и коллективных сцен и ритуалов, маркирующих национальное единство. Иммерсивная среда современного культурного опыта [17, с. 239], в которой реализуется перформанс национальной идентичности, позволяет извлечь телесную действенную составляющую как первичную. Приоритет конкретных проявлений и событий, которые позволяют интерпретировать их в категориях «национального», задает исследовательскую парадигму от практики к теоретизированию. Последнее в свою очередь также подвергается перманентной ревидии, поскольку эссенциалистское понимание культуры с этого ракурса не является релевантным. Национальная идентичность предстает серией постоянно обновляемых в ответ на изменившийся идеологический запрос «представлений», которые опознаются участниками как всеобщие, объединяющие и адекватные. Зафиксировать точное значение идентичности, исходя только лишь из практики, практически невозможно, но изучение разыгрываемых «спектаклей» позволяет диагностировать состояние и границы национального единства. Действие всегда происходит в разных пространственно-временных контекстах, плюс, в современном мире важной составляющей стала цифровая реальность, в которой также продуцируются перформативная национальная идентичность. Обращение к теме нации как коллективном перформансе представляется потенциально значимым ракурсом исследования этой модернистской категории и феномена в современном неравновесном мире.

Список литературы

1. Соколов К. Б. Глобализация: история, современность и искусство. Москва: Гос. ин-т искусствознания, 2012. 444 с.

2. Спанью М. История цивилизаций как культурный трансфер. Москва: Новое лит. обозрение, 2018. 816 с.

3. Бахманн-Медик Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / пер. с нем. С. Ташкенова. Москва: Новое лит. обозрение, 2017. 504 с.

4. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. Москва: Кучково поле, 2016. 416 с.

5. Киен Г. Глобальная этнография. Этнография в век мобильности. Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2015. 191 с.

6. Goffman E. The presentation of self in everyday life. Edinburgh: Univ. of Edinburgh Publ., 1956. 162 p.

7. Schechner R. *Performance Studies: An Introduction* / ed. S. Brady. 3rd ed. New York: Routledge, 2013. 359 p.

8. Лукина А. В. Новые подходы к исследованию национальной идентичности // *Известия Уральского государственного университета*. 2004. № 33. С. 238–246.

9. Кастильоне Б. Придворный // *Сочинения великих итальянцев XVI в.* Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. С. 181–247.

10. Ichijo A., Ranta R. Food, national identity and nationalism: From every day to global politics. London: Palgrave Macmillan UK; Imprint: Palgrave Macmillan, 2016. 196 p.

11. Пылькин А. А., Соколова Н. А. Проблема идентичности информатизированного человека с точки зрения интертекстуализма // *Уровень жизни населения регионов России*. 2019. № 4. С. 117–122.

12. Edensor T. National identity, popular culture and everyday life. New York: Routledge, 2020. 224 p.

13. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // *Вестник Евразии*. 2000. № 1. С. 47–62.

14. Пологова К. В. Театральная метафора в политическом нарративе «движение black lives matter» // *Актуальные проблемы языкознания: материалы X межвуз. конф. с междунар. участием*, 19–20 апр. Санкт-Петербург, 2021. С. 129–137.

15. Лавров Д. Е. Современный Палех на великом переломе: судьбы «маленького чуда, рожденного революцией», после развала Советского Союза // *Трансформация старого и поиски нового в культуре и искусстве 90-х годов XX века: материалы науч. конф.* Санкт-Петербург, 28–29 янв. 2020 г. / Музей искусства Санкт-Петербурга XX–XXI вв. Санкт-Петербург: Музей искусства Санкт-Петербурга XX–XXI вв., 2020. С. 131–136.

16. Левшина О. Н. Формирование базовых принципов американской культуры // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. 2016. Т. 17, № 4. С. 332–338.

17. Венкова А. В. Феномен иммерсивности. Мультисенсорный поворот в культуре. Санкт-Петербург: Центр науч.-производств. технологий «Астерион», 2021. 336 с.

References

1. Sokolov K. B. Globalization: history, modernity and art. Moscow: State Inst of Art History, 2012. 444 (in Russ.).

2. Spagnu M. The history of civilizations as a cultural transfer. Moscow: New lit. obozrenie, 2018. 816 (in Russ.).

3. Bachmann-Medic D.; Tashkenova S. (transl.). Cultural turns. New guidelines in the sciences of culture. Moscow: Novoe lit. obozrenie, 2017. 504 (in Russ.).

4. Anderson B.; Nikolaev V. (transl.); Bankovskoy S. P. (introd. art.). Imagined communities. Reflections on the origins and spread of nationalism. Moscow: Kuchkovo pole, 2016. 416 (in Russ.).

5. Kien G. Global ethnography. Ethnography in the age of mobility. Izhevsk: Regular and Chaotic Dynamics, 2015. 191 (in Russ.).

6. Goffman E. The presentation of self in everyday life. Edinburgh: Univ. of Edinburgh Publ., 1956. 162.

7. Schechner R.; Brady S. (ed.). *Performance Studies: An Introduction*. 3rd ed. New York: Routledge, 2013. 359.

8. Lukina A. V. New approaches to the study of national identity. *Proceedings of the Ural State University*. 2004. 33, 238–246 (in Russ.).

9. Castiglione B. Courtier. *Works of the great Italians of the 16th century*. Saint-Petersburg: Aleteyya, 2002. 181–247 (in Russ.).

10. Ichijo A., Ranta R. Food, national identity and nationalism: From every day to global politics. London: Palgrave Macmillan UK; Imprint: Palgrave Macmillan, 2016. 196.

11. Pylkin A. A., Sokolova N. A. The problem of the identity of an informatized person from the point of view of intertextualism. The standard of living of the population of regions of Russia. 2019. 4, 117–122 (in Russ.).

12. Edensor T. National identity, popular culture and everyday life. New York: Routledge, 2020. 224.

13. Hobsbaum E. Invention of traditions. *Bulletin of Eurasia*. 2000. 1, 47–62 (in Russ.).

14. Pologova K. V. Theatrical metaphor in the political narrative «Black Lives Matter movement». Actual problems of linguistics: materials of the X interuniv. conf. with intern. participation, Apr. 19–20. Saint-Petersburg, 2021. 129–137 (in Russ.).

15. Lavrov D. E. Modern Palekh at a great turning point: the fate of the “little miracle born of the revolution” after the collapse of the Soviet Union. Transformation of the old and the search for the new in culture and art of the 90s of the XX century: materials of sci. conf, Saint-Petersburg, Jan. 28–29, 2020. Saint-Petersburg: Museum of Saint-Petersburg Art of the 20th–21st centuries, 2020. 131–136 (in Russ.).

16. Levshina O. N. Formation of the basic principles of American culture. *Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2016. 17 (4), 332–338 (in Russ.).

17. Venkova A. V. The phenomenon of immersiveness. Multisensory turn in culture. Saint-Petersburg: Center for Sci. and Production. technologies «Asterion», 2021. 336 (in Russ.).